

В.А. Чаговец

**Преподобный Феодосий
Печерский, его жизнь и
сочинения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

В11 **В.А. Чаговец**
Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения / В.А. Чаговец –
М.: Книга по Требованию, 2016. – 257 с.

ISBN 978-5-518-07295-4

ISBN 978-5-518-07295-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ ПРЕПОДОБНАГО ТЕОДОСІЯ.

(Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія русской литературы до монгольскаго періода, въ течение почти столѣтій занимающая умы изслѣдователей, которые пытались возстановить ея далекое прошлое на страницахъ своихъ многочисленныхъ трудовъ, все еще заключаетъ въ себѣ не мало темнаго, неразгаданнаго, сомнительнаго. Среди многихъ другихъ, вопросъ объ одномъ изъ первыхъ напикъ писателей „духовнаго чина“, именно о пр. Теодосіи, игуменѣ Печерской обители—колыбели русскаго просвѣщенія, представляя глубокой интересъ для историка литературы, остается не вполне выясненнымъ и до сего дня. Его жизнь, описанная великимъ Несторомъ, равно какъ и его сочиненія, пощаженныя временемъ и сохранившіяся хотя и въ весьма немногочисленныхъ спискахъ до нашихъ дней, представляютъ достаточно матеріала для изслѣдователя. Воспользоваться этимъ и вновь найденнымъ матеріаломъ мы и имѣемъ въ виду въ нашемъ настоящемъ трудѣ. Такимъ образомъ, по самому характеру матеріала наше изслѣдованіе распадается на двѣ части: 1) жизнь и 2) сочиненія пр. Теодосія Печерекаго.

Но прежде чѣмъ перейти къ предмету изложенія, мы считаемъ необходимымъ предложить обзоръ источниковъ и главнѣйшихъ пособій, которыми мы пользовались въ первой части нашего изслѣдованія. Первый и главный источникъ, откуда мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о жизни пр. Теодосія, это есть „Житіе“ его, составленное пр. Несторомъ, дошедшее до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій восходитъ къ XII вѣку, како-

вымъ является списокъ Московскаго Успенскаго Собора (хартепный) № 175/18 (на л. 304), и кромѣ того въ различныхъ редакціяхъ Печерскаго Патерика (за исключеніемъ такъ называемой „теодосіевской“, гдѣ житіе опущено)¹⁾, начиная съ древнѣйшей (такъ называемой Арсеньевской 1406 г.) и до позднѣйшихъ (какъ патерикъ XVII вѣка Іосифа Тризны 1647—1656 г., или печатный 1661 г.), житіе пр. Теодосія обратило на себя должное вниманіе со стороны русскихъ ученыхъ и было предметомъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ изслѣдованій, какъ со стороны значенія его въ отношеніи историческомъ и литературномъ, такъ и въ отношеніи языка, какъ памятника первой поры нашей письменности.

Главнѣйшая заслуга по изданію самого текста житія принадлежитъ ученому О. Бодянскому, съ большою любовью, стараніемъ и глубокимъ знаніемъ своего дѣла трудившемуся надъ изданіемъ этого памятника по списку Успенскаго Собора съ дополненіями по другимъ спискамъ²⁾. „Считаю себя счастливымъ, что, напостѣдокъ, послѣ столькихъ переворотовъ выпало таки мнѣ на долю быть издателемъ сего драгоценнѣйшаго памятника нашей древне-русской письменности, творенія нашего несравненнаго начальнаго летописца“³⁾, говоритъ въ предисловіи къ изданію почтенный ученый, и въ этихъ словахъ мы видимъ, съ какимъ уваженіемъ и любовью отнесся онъ къ издаваемому памятнику. Находясь въ различныхъ и довольно многочисленныхъ спискахъ, житіе пр. Теодосія подверглось участи, общей всѣмъ нашимъ рукописнымъ памятникамъ, и не избѣжало нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, пропусковъ и вставокъ, безсознательно, или сознательно произведенныхъ переписчиками. Отдавая преимущество спискамъ болѣе древнимъ, изслѣдователи дѣлали попытки возстановить по возможности первоначальный текстъ житія, объясняя пропуски и измѣненія, замѣчаемые въ текстѣ; однако, ихъ выводы относительно нѣкоторыхъ мѣстъ между собою не согласны, поэтому и вопросъ объ этихъ мѣстахъ остается открытымъ. (Мы имѣемъ въ виду главнѣйшимъ образомъ, извѣстное мѣсто житія, гдѣ передаются пред-

¹⁾ См. у Макарія: Обзоръ редакцій Кіево-Печерск. Патерика, преимущественно древнихъ (Истор. чт. о яз. и слов., 1857 г., стр. 15).

²⁾ Издано: въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. росс. 1858 г., кн. III; съ предисловіемъ А. Попова (и нѣкоторыми исправленіями въ текстѣ О. Бодянскаго) въ тѣхъ же Чтен., за 1879 г., кн. I; кромѣ того, Житіе издано г. Яковлевымъ по тому же списку въ Памятникахъ русской литер. XII и XIII в. СПб. 1872 года, и др.

³⁾ Чт. Общ. 1858 г., кн. III, стр. VI—предисловіе.

смертныя слова пр. Θεодосія къ Великому Князю: „И се поручаю твоему благочестію святѣи сїи монастырь, да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто-же изъ клирикъ софійскіихъ, но токмо да завѣдуетъ его твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоего“. Преосв. Макаріи не признаетъ это вставкой. Кубаревъ же—наоборотъ; онъ же приводитъ вполне основательное объясненіе, съ которымъ мы совершенно согласны (см. о редакціяхъ Печер. Патер. стр. 118 — 119); другія несогласія относятся къ мѣстамъ менѣе значительнымъ).

Однако, даже то обстоятельство, что въ статьяхъ этихъ изслѣдователей приведены въ извѣстность всѣ главнѣйшія разночтенія, встрѣчающіяся въ спискахъ житія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ихъ объясненія—придаетъ большую цѣну этимъ статьямъ, и въ критикѣ текста житія онѣ являются главнѣйшимъ пособіемъ ¹⁾. Сдѣлавшись достояніемъ ученаго міра, житіе пр. Θεодосія обратило на себя вниманіе, главнѣйшимъ образомъ, со стороны его достовѣрности, какъ историческаго свидѣтельства, и съ этой именно стороны мы его будемъ разсматривать въ нашемъ непосредственномъ изложеніи ²⁾.

Было время, когда ученые только обратились къ изученію цѣлаго довольно обширнаго рода древней и средней русской литературы, какой представляютъ наши житія святыхъ, когда въ нихъ ожидали найти богатый запасъ народныхъ поэтическихъ и бытовыхъ чертъ. Но ожиданія нашихъ ученыхъ далеко не оправдались: и если г. Буслаевъ ³⁾, благодаря нѣсколькимъ удачнымъ открытіямъ, сдѣланнымъ имъ при знакомствѣ съ этимъ родомъ нашей литературы отстаивалъ значеніе его, какъ важнаго источника для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ, то другой изслѣдователь г. Клю-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду все относящееся къ Житію пр. Θεодосія въ статьяхъ 1) Кубарева: „О Патерикѣ Печерскомъ“—Чт. М. Об. Ист. и др. р., кн. 9, 1847 и его же весьма цѣнная статья „О редакціяхъ Патерика Печерскаго“, *ibid.*, кн. III, 1858 г., написанная въ возраженіе противъ нѣкоторыхъ положеній статьи преосв. 2) Макарія „Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ“. Этими двумя статьями исчерпывается главнѣйшее, что сдѣлано по интересующему насъ въ данномъ случаѣ вопросу.

²⁾ Съ этой стороны его разсматривали уже г. Яковлевъ: Древне-кіевскія религиозныя сказанія“. Варшава, 1875 г.; отчасти Шахматовъ: Изв. II-го отд. Имп. Ак. Н., 1896 г., кн. I, г. Голубинскій Ист. Рус. Церкви, т. I, отд. IV: Оригинальная письменность.

³⁾ Θ Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, 1866 г., СПб. я въ „Лѣтописяхъ русской легенды“ Тихомирова, т. III и IV.

чевскій¹⁾ пришелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Обратившись къ древне-русскимъ житіямъ, какъ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древне-русской исторіи — участія монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной руси, — онъ долженъ былъ сознаться, что тамъ именно, гдѣ онъ искалъ и на что надѣялся — ничего нельзя было найти. Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, говоритъ онъ о себѣ, тѣмъ яснѣ становились для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обилень, какъ о немъ думаютъ; во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ²⁾. Литературное однообразіе житій дало возможность изслѣдователю прийти къ замѣчательнымъ выводамъ о задачахъ агіобіографа и о нереальности типа святого, изображаемаго съ большей или меньшей степенью приближенія къ жизни Іисуса Христа. „Для житія дорога не живая цѣльность характера, съ его индивидуальными особенностями и житейскою обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходит подъ извѣстную норму, отражаетъ на себѣ извѣстный идеалъ. Вотъ почему все лица, жизнь которыхъ описана въ житіяхъ, сливаются передъ читателемъ въ одинъ образъ и трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго, какъ по иконописнымъ изображеніямъ воспроизвели портреты: тѣ и другіе изображаютъ лишь „образы безъ лицъ“³⁾. Мы позволимъ себѣ привести еще нѣкоторыя выдержки изъ этого замѣчательнаго изслѣдованія о, такъ называемыхъ, „общихъ мѣстахъ“ житій русскихъ святыхъ. „Общія мѣста не ограничиваются назидательными отступленіями: они открываются тамъ, гдѣ при первомъ взглядѣ могутъ показаться біографическіе факты. Въ типическомъ образѣ святого, рядомъ съ чертами индивидуальными, легко замѣтить черты общія, однообразно повторяющіяся едва ли не въ каждомъ житіи. Эти послѣднія, по характеру своему, двоякаго рода. Однѣ настолько широки, что не характеризуютъ жизни одного лица и не даютъ ничего новаго для біографа. Рѣдкій біографъ не начиналъ съ того, что святой родился отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей и въ извѣстный срокъ духовно возродился креще-

¹⁾ Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва. 1871 г.

²⁾ Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 1—введеніе.

³⁾ Ibidem, стр. 436.

ніемъ, и это извѣстіе нисколько не зависѣло отъ того, знать ли, или не знать біографъ что нибудь о родителяхъ святого..

Другія черты, не столь широкія по объему. имѣютъ условное значеніе: это біографическія гипотезы, необходимыя для полноты картины. Къ числу обычныхъ чертъ такого рода относятся извѣстія, что святой, родившійся въ глуши древне-русской деревни, именно на 7-мъ году, выучивается грамотѣ и 12 лѣтъ уходитъ въ монастырь, внезапно увлеченный евангельскими словами о тѣхъ, кто оставляетъ родителей ради имени Христова, и біографъ заноситъ это въ разсказъ, хотя бы ничего не зналъ о дѣтствѣ святого“ 1) При такомъ взглядѣ агіобіографа на свою задачу вполне основательнымъ становится взглядъ почтеннаго изслѣдователя на житія святыхъ, какъ историческія свидѣтельства; наиболѣе падежными и достовѣрными являются лишь указанія житія объ устроеніи святымъ новой обители и разсказъ о посмертныхъ его чудесахъ. „Агіографъ и историкъ смотрятъ на описываемое лицо съ различныхъ точекъ зрѣнія, первый ищетъ въ немъ отраженія отвлеченнаго идеала, второй—индивидуальныхъ историческихъ чертъ“

Вотъ главные выводы и соображенія, приведенныя авторомъ въ цитуемомъ нами сочиненіи. Какъ говоритъ самъ почтенный авторъ, въ своемъ изслѣдованіи онъ ограничился лишь житіями, написанными въ сѣверо-восточной Руси, не касаясь житій кievскихъ. Однако другой изслѣдователь—Вл. Яковлевъ приложилъ данныя, добытыя г. Ключевскимъ, вмѣстѣ съ выводами французскаго ученаго Alfred Maury, автора сочиненія „Essai sur les legendes pieuses du moyenâge“ (опытъ изслѣдованія релігіозныхъ сказаній (легендъ) среднихъ вѣковъ)—къ житіямъ святыхъ южно-русскихъ, именно къ печерскому патерику, и пришелъ къ заключенію, что и кievскія житія святыхъ такъ же общи, какъ и сѣверо-восточныя; или даже больше: они такого же типа, какъ всѣ христіанскія сказанія въ русскихъ житіяхъ и западныхъ средневѣковыхъ legendes, со всѣми ихъ недостатками, въ отношеніи исторической истины. Житіе пр. Θεодосія въ изслѣдованіи г. Яковлева „Древне-кievскія релігіозныя сказанія“ подвергнуто весьма тщательному разбору, и такъ какъ это имѣетъ прямое отношеніе къ предмету нашего изложенія, то мы позволимъ себѣ болѣе или менѣе подробно остановиться на немъ. Намъ кажется, что почтенный изслѣдователь заходитъ слишкомъ далеко въ изслѣдованіи нашего памятника, какъ историческаго источника, и безъ особенныхъ основаній отнимаетъ

1) Ibidem.

у житія часто самыя существенныя и исторически-достоверныя свидѣтельства только потому, что, ознакомившись съ восточными агіобіографіями, онъ могъ указать въ томъ или иномъ житіи Лавсаика или Лимонаря аналогичные и сходные сюжеты съ житіемъ пр. Феодосія. Разрушивъ такимъ образомъ цѣльность Несторова сочиненія, и значительно подорвавъ авторитетъ нашего „честнаго“ лѣтописца, авторъ изслѣдованія, выбрасывая изъ житія всѣ, по его мнѣнію, „общія мѣста“, оставляетъ неприкосновеннымъ лишь незначительное количество свидѣтельствъ, по которымъ едва ли можно составить представленіе о характерѣ, жизни и дѣятельности нашего игумена. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ относительно нѣкоторыхъ и весьма важныхъ „общихъ мѣстъ“, предлагая въ подтвержденіе своего мнѣнія нѣкоторыя соображенія. Нельзя не согласиться съ мыслями автора изслѣдованія о житіяхъ святыхъ, какъ литературныхъ памятникахъ, и о задачахъ критика, высказанными въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „отъ каждаго литературнаго произведенія мы ожидаемъ изображенія идеаловъ своего времени; идеалы эти есть только воплощеніе стремленій умственной и общественной жизни, поэтому по нимъ мы могли бы вполне ясно судить о нравственномъ и умственномъ состояніи общества, если бы самое изображеніе идеаловъ было совершенно чуждо различныхъ вліяній, которымъ подчиняется авторъ. Существенная задача критики состоитъ именно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и характеръ этихъ вліяній“ (ibid. стр. 69). Съ этой точки зрѣнія и мы будемъ разсматривать то литературное произведеніе, которое составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, съ тою только разницею, что мы будемъ обращать вниманіе не только на вліяніе, которому подчинился самъ авторъ, но и на всѣ тѣ исторически-культурныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ находилось и изображаемое имъ лицо—въ данномъ случаѣ, пр. Феодосій. И самъ г. Яковлевъ согласенъ, что сходство отдѣльныхъ эпизодовъ житій происходитъ отъ сознательнаго подражанія самого святого жизни какого-либо извѣстнаго подвижника и кромѣ того, одинаковыя условія, въ которыхъ находились святые, порождали одинаковыя явленія: онъ даже приводитъ мнѣніе и знаменитаго В. Гримма объ общихъ повторяющихся явленіяхъ: „Бываютъ такія положенія, которыя такъ просты и естественны, что они вездѣ повторяются такъ же, какъ и существуютъ (общія) сходныя мысли, которыя являются независимо одна отъ другой“. Но принимая во вниманіе даже всѣ эти обстоятельства, г. Яковлевъ считаетъ необходимымъ признать прямое заимствованіе однимъ агіобіографомъ у другого,

и въ разборѣ житія пр. Феодосія онъ оставляетъ безъ вниманія всѣ другія соображенія, объясняя всѣ „общія мѣста“ (которыя, какъ увидимъ, часто бываютъ даже и не аналогичныя) лишь замствованиемъ пр. Нестора у восточныхъ писателей. Нельзя отрицать того положенія, что пр. Несторъ не могъ быть вполне оригинальнымъ писателемъ уже въ силу культурныхъ причинъ, какъ жившій въ первое время христіанства и литературы на Руси, и будучи въ своей области почти первымъ писателемъ; историческія же причины заставили его обратиться къ восточнымъ образцамъ, которые отразились въ той или иной степени на его сочиненіяхъ и въ частности на житіи пр. Феодосія. Но нельзя также не признать, что и жизнь пр. Феодосія складывалась подъ вліяніемъ восточныхъ образцовъ. Мы увидимъ, что во всей своей дѣятельности, какъ устроителя монастыря, такъ и проповѣдника и подвижника, онъ сознательно бралъ себѣ за образецъ ту или иную черту дѣятельности, характера, жизни „онѣхъ святыхъ“. Вліяніе пр. Феодора Студійскаго въ дѣятельности его, какъ игумена, Саввы Освященнаго—въ родѣ подвижничества (удаленіе въ пещеру на безмолвіе въ теченіе великаго поста) неоспоримо подтверждаются свидѣтельствами его поученій (см. ч. II); вліянія же другихъ образцовъ святости и подвижничества подтверждаются свидѣтельствами его житія, написаннаго пр. Несторомъ. Въ какомъ положеніи находился пр. Несторъ, какъ историческій писатель, въ отношеніи къ изображаемому лицу? Мы принимаемъ мнѣніе, установленнаго еще со времени Шлёцера и принятое многими позднѣйшими учеными, по которому пр. Несторъ 17 лѣтнимъ юношей былъ принятъ въ монастырь еще при жизни пр. Феодосія, по возведенъ былъ въ монашеское достоинство и затѣмъ въ санъ діакона уже преемникомъ пр. Феодосія—игуменомъ Стефаномъ ¹⁾. Хотя въ своемъ сочиненіи онъ нигдѣ не говоритъ о пр. Феодосіи, какъ очевидецъ, но нѣкоторыя мѣста въ житіи, гдѣ онъ говоритъ о наружномъ видѣ его, и въ особенности живое и картинное изложеніе послѣднихъ дней пр. Феодосія и описаніе самой смерти и погребенія его, удостоверяють въ немъ очевидца этихъ послѣднихъ событій. Вся же остальная часть жизни пр. Феодосія въ періодъ монашества и ему предшествовавшій дѣтскіе и отроческіе годы, не была извѣстна лично пр. Нестору; но въ монастырѣ еще были въ живыхъ монахи, близко знавшіе

¹⁾ Г. Яковлевъ придерживается противнаго мнѣнія, соглашаясь вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными (Казавскій и др.) въ томъ, что пр. Несторъ уже не засталъ пр. Феодосія въ живыхъ. Но отъ этого сущность дѣла не измѣняется.

своего игумена, которые наблюдали всю жизнь его, которые свято хранили въ памяти всякое слово, сказанное имъ, всякое дѣло совершенное имъ, всякій его подвигъ; были также лица, особенно любимыя пр. Феодосіемъ, которымъ онъ повѣдалъ о своемъ происхожденіи, дѣтскихъ годахъ и юныхъ стремленіяхъ. Самъ Несторъ не разъ указываетъ источникъ, откуда онъ почерпалъ тѣ или нныя свѣдѣнія о жизни своего любимаго игумена. „Се же житіе блаженнаго отца нашего Феодосія отъ уны вѣрсты дожде, дондеже прииде въ пещеру мати же его, сповѣда единому отъ братія именовемъ Феодору, иже бѣ келарь при отци нашемъ Феодосии; азъ же отъ него вся та слышавъ оному сповѣдаючи ми и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ иное лицо, какъ видно изъ житія, очень приближенное къ пр. Феодосію, съ которымъ вмѣстѣ онъ трудился надъ составленіемъ книгъ — это былъ Иларіонъ, о которомъ у пр. Нестора такое упоминаніе: „И се сповѣда ми единъ отъ братіи именовемъ Иларіонъ“; и вообще пр. Несторъ могъ многое слышать изъ устъ братіи о великомъ игуменѣ, память о которомъ была такъ еще свѣжа въ сердцахъ современниковъ. Несомнѣнно, что всѣ эти устные свидетельства не лишены были извѣстной доли идеализаціи, присущей всѣмъ устнымъ сказаніямъ о лицахъ знаменитыхъ и болѣе или менѣе выдающихся, однако эта идеализація не успѣла еще развиться до такой степени, чтобы сказаніе современниковъ стало легендой, совершенно закрывшей историческую правду. И самъ Несторъ могъ еще отличить истинное свидѣтельство отъ невиннаго вымысла, хотя и ему уже былъ дорогъ тотъ ореолъ идеальнаго подвижника, какимъ братія окружала образъ своего игумена, и въ своемъ сочиненіи онъ, раздѣляя стремленіе очевидцевъ представить образъ высокой чистоты и святости, и имѣя подъ руками восточные образцы житій святыхъ, воспользовался красноречивою по своему, нѣсколько легендарной оболочкой, въ которую вложилъ правдивый и, насколько возможно, отчетливый образъ своего любимаго игумена. Но не только устные рассказы, а и нѣкоторые письменныя свидѣтельства служили пр. Нестору источниками для его биографіи. Мы здѣсь разумѣемъ написанныя пр. Феодосіемъ

¹⁾ Нѣкоторые (П. Казанскій и Голубинскій) понимаютъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ, будто бы мать рассказывала келарю Феодору о дѣтствѣ препод. Феодосія; мы же раздѣляемъ мнѣніе г. Яковлева, какъ намъ кажется болѣе правильное, какъ это выходитъ и по контексту, что самъ Феодосій рассказывалъ „отъ уны версты дожде“ келарю Феодору.

поученія, несомнѣнно существовавшія во время пр. Нестора, и бывшія у него подъ руками, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ приведенныя въ житіи отрывки изъ нихъ, такъ и нѣкоторыя мысли, заимствованныя изъ поученій ¹⁾. Располагая такими письменными и устными свидѣтельствами о жизни и дѣятельности пр. Θεодосія, пр. Несторъ съ особенною любовію и стараніемъ приступилъ къ исполненію своей задачи и въ промежуткѣ между 1088 и 1091 годами ²⁾ написалъ „Житіе преподобнаго отца нашего Θεодосія игумена печерскаго“, начинающееся словами: „Благодарю тя владыко мои Господи Іисусе Христе яко съподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя быти святыимъ твоимъ въгодникомъ“

Еще проф. О. Миллеръ ³⁾, а за нимъ и г. Яковлевъ ⁴⁾ совершенно основательно замѣтили, что житіе пр. Θεодосія можетъ быть раздѣлено на двѣ части, значительно отличающіяся одна отъ другой по своему характеру: часть житія, рассказанная келаремъ Θεодоромъ „отъ уны версты досде, дождеже прииде въ пещеру мати его“, и всё остальное житіе, составленное, въ значительной части, на основаніи свидѣтельства очевидцевъ дѣятельности и подвиговъ пр. Θεодосія. Первая часть житія, переданная келаремъ Θεодоромъ, представляетъ болѣе или менѣе связное повѣствованіе о дѣтскихъ и отроческихъ годахъ пр. Θεодосія, на основаніи правдиваго разсказа самого святого; однако, въ содержаніи этой части житія встрѣчаются неточности и противорѣчія, которыя никакъ нельзя приписать самому пр. Θεодосію, а лишь можно объяснить желаніемъ того же келаря Θεодора, а за нимъ и пр. Нестора, представить болѣе идеальный образъ святого, на которомъ съ первыхъ же моментовъ жизни почило особенное Божье благословеніе; для этого и разсказчикъ и самъ авторъ воспользовались „общими мѣстами“ заимствованными изъ разныхъ восточныхъ житій. Г. Яковлевъ отмѣнить общія мѣста въ этой части житія, относя къ нимъ: подробность о пресвитерѣ, провидящемъ будущность младенца, характеристики родителей и болѣе или менѣе пространныя рѣчи, вкладываемыя въ уста дѣйствующихъ лицъ—обычныя черты восточныхъ житій; этихъ

¹⁾ Объ этомъ подробно говорится во II части изслѣдованія о сочиненіяхъ пр. Θεодосія.

²⁾ Въ 1088 г. — скончался Никонъ, о которомъ говоритъ Несторъ, по основан. предполож., какъ объ умершемъ; 1091 г.—открытіе мощей св. Θεодосія, о которыхъ не упоминается еще въ житіи, а только въ лѣтописи.

³⁾ О. Миллеръ. Опытъ истор. обозр. русской словесн. СПб., 1866 г., стр. 246.

⁴⁾ Яковлевъ. Op. cit., стр. 71.

подробностей самъ пр. Θεодосίη не могъ передать келарю, потому что и самъ онъ ихъ могъ не знать, да это и не соотвѣствовало бы кротости и смиренію нашего святого, рассказывать о Божьемъ благословеніи, измлада почившемъ на немъ, о пресвитерѣ, провидѣвшемъ сердечными очами, „яко хоцетъ измлада „Богу датися“ (Θεὸς δῶταί) Θεодосίημъ того нарицаеть“ и др. Эта послѣдняя черта житія могла быть заимствована, какъ намъ кажется, изъ житія пр. Евфимія. Когда родители его, еще будучи бездѣтными, молились о дарованіи имъ сына, то услышали голосъ: „Утѣшайтесь, утѣшайтесь, Богъ даруетъ вамъ дитя „тезонменное утѣшенію“ (εὐθρημία—Εὐθρημία), потому что при рожденіи его даруетъ утѣшеніе церквамъ своимъ дарующій вамъ дитя, Богъ“ ¹⁾. И здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, авторы житій допускаютъ игру словами: Θεодосίη—Богу данный ²⁾, и Евфиміη—соименный утѣшенію; пр. Несторъ въ этомъ случаѣ грѣшитъ противъ истины, забывая, что имя „Θεодосίη“, по всей вѣроятности, дано ему при постриженіи вмѣсто мірскаго имени, котораго, очевидно, ни Несторъ, ни келарь Θεодоръ не знали. По крайней мѣрѣ далѣе, въ томъ же житіи, говоря о постриженіи сына боярина Іоанна и княжескаго каженника, онъ замѣчаетъ, что они были наречены; первый—Варлаамомъ, а второй—Ефремомъ.

Въ изображеніи родителей пр. Θεодосία пр. Несторъ даетъ сначала общую ихъ характеристику, встрѣчающуюся во всѣхъ житіяхъ святыхъ: „бѣста же родителя святаго въ вѣрѣ крестьянствѣ живуща и всяческиимъ благочестіемъ украшена“; и затѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ говоритъ о благочестіи матери, о ея особенной любви „паче всѣхъ“ къ своему сыну; однако съ фактической стороны характеристика матери совершенно противоположна. Въ своихъ отношеніяхъ къ сыну она является слишкомъ грубой и суровой, доходившей въ своей жестокости до того, что держала своего сына въ цѣняхъ, помимо частыхъ побоевъ и другихъ наказаній. И эта вторая характеристика должна быть признана болѣе правильной; проф. Миллеръ считаетъ типъ матери, по житію пр. Θεодосία, не русскимъ, а заимствованнымъ авторомъ изъ какихъ либо чужихъ, не русскихъ житій, такъ какъ, будто-бы, въ русской жизни не было данныхъ, изъ которыхъ могъ сложиться такой „родовитый“ харак-

¹⁾ „Палестинскій Патерикъ“. житіе св. Евфимія Великаго. стр. 8. Изд. Прав. Палест. Общ. вып. 2.

²⁾ Въ этомъ случаѣ авторъ, т. е. Несторъ, косвенно показываетъ знаніе греч. языка, перевода на рус. яз. греч. имя Θεодосίη.